

ЗНАНИЕ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

П.П.Гайденко

Информация и знание

XX век — не только эпоха социальных экспериментов, попыток воплотить в жизнь утопические проекты, эпоха невиданных по своей разрушительности мировых войн и революций, — это также век техники, достигшей — благодаря науке — почти фантастических успехов. Ядерная энергия, генетика, биотехнология, фармакология, микроэлектроника — любого из этих открытий было бы достаточно, чтобы изменить не только прежние представления о мире, но и сам этот мир и жизнь человека в нем. Что касается компьютерной техники, то она, по мнению большинства ученых, открывает новую — постиндустриальную, или, как часто говорят, “постмодерную” эру в развитии цивилизации. Какой будет эта новая эра, что сулит она человеку? Этот вопрос сегодня не может не волновать нас.

Нет надобности останавливаться на тех преимуществах во всех сферах человеческой жизни и деятельности¹, которые предоставляет компьютерная техника: о них уже написано достаточно, и они очевидны. Однако для того, чтобы всесторонне оценить результаты технической революции, которая происходит на наших глазах, необходимо **время**: долгосрочность — предпосылка развертывания тех возможностей, которые содержат в себе всякие значительные технические изобретения. Ведь для того, чтобы охватить весь земной шар техническим новшеством, нужно время, и, пожалуй, только будущим поколениям предстоит в полной мере оценить их положительный и отрицательный эффекты.

Но в то же время было бы крайне безответственно оставлять проблемы, рождаемые новой техникой, на суд будущих поколений; ведь

не исключено, что этот суд придет слишком поздно. “Апокалиптический потенциал техники”, как выразился Ганс Йонас, слишком велик, чтобы не вызывать у нас тревоги и беспокойства за будущее. Парадоксальным образом как раз те открытия, которые кажутся безопасными, требуют особого внимания: так, в отличие от ядерной бомбы, “мирный атом” больших опасений у общества не вызывал; между тем пример Чернобыля показал, что мирные реакторы (der friedliche Reaktor) — по своим долгосрочным последствиям — могут оказаться страшнее военного оружия.

Видимо, одна из задач философии техники сегодня — это по возможности заранее предвидеть возможные последствия новейших открытий, с тем чтобы предупредить о них общество заблаговременно. Для этого необходимо в первую очередь сохранить **трезвость мысли**, что не всегда бывает легко: грандиозность перспектив, открываемых новой техникой, настолько поражает воображение, что одни впадают в эйфорию², другие же, напротив, в меланхолию, одни фетишизируют микроэлектронику, создавая новый — “компьютерный” — миф и компьютерный вариант “спасения человечества”, другие же считают искусственный интеллект угрозой человеческой свободе и склонны его демонизировать.

Как всякое техническое изобретение, компьютер увеличивает власть человека над природой, а также над себе подобными. Переустройства экономика и управление, образ жизни и характер коммуникации людей, электронная техника оказывает влияние и на человеческую ментальность, на самосознание и поведение человека. Вот на этом последнем моменте имеет смысл остановиться подробнее.

Уже неоднократно отмечалось, что под впечатлением чудес компьютерной техники умножились попытки интерпретировать человеческое мышление по аналогии с машинным³. По словам Вальтера Циммерли, “человек технологической эпохи рассматривает себя как технический аналог того, что создано им самим”⁴. “Создано им самим” — вот что важно помнить, чтобы сохранить трезвое отношение к новой информационной технике. Что техника сама по себе не добра и не зла, доказывали многие исследователи⁵. Но она может быть употреблена в добро и во зло, потому что оба эти начала коренятся в самом человеке, использующем технику. И чем больше новая техника увеличивает власть человека, тем больше потенциальных опасностей она в себе несет. Вся проблема в том, чтобы правильно употребить технику, правильно распорядиться ею. А для этого не в последнюю очередь важно избежать ложной идентификации человеческого разума с компьютерным интеллектом. Мне кажется, не без связи так-

же и с этим обстоятельством — хотя, конечно, не с ним одним, — проблема рациональности стала столь актуальной в последние годы: создание “второго Я” — компьютера — не может не побуждать к размышлению о том, что представляет собой разум.

В самом деле, сходство операций, производимых человеческим и машинным интеллектом, совершенно очевидно; и требуется усилие, чтобы установить, в чем же состоит принципиальное различие между ними. Если мышление — это “счет” (калькуляция — *Kablul*) понятий, то у машины здесь будет несомненное преимущество: она считает неизмеримо быстрее и, пожалуй, точнее, чем человек. Как показал К.Хюбнер, точность — это “простое и быстро повторяемое оперирование однозначными элементами... по строгим правилам...”⁶ Счет, калькуляция любого рода предполагает установление однозначно понимаемых элементов и правил действия с ними; простейший и всем знакомый пример — построение натурального ряда чисел. Если под рациональностью разуметь именно калькуляцию, то в плане такой формальной, или технической рациональности искусственный интеллект превосходит человеческий.

Но в том-то и дело, что корень, основу человеческого разума составляет иная способность. Не случайно Кант назвал разум “способностью целей”⁷, а царство разума — “царством целей”⁸. Мышление — это собирание (греческое *легейн* означает прежде всего — **собирать**) многообразия в единство; цель же, согласно Канту, есть высший из видов единства⁹. “Высшее систематическое, следовательно, и целесообразное, единство есть школа и даже основа возможности наиболее совершенного применения человеческого разума. Следовательно, идея этого единства неразрывно связана с сущностью нашего разума”¹⁰. Еще более выразительно говорит об этом Аристотель, поясняя, что целевая причина — высшая из всех причин: “То, ради чего” — это конечная цель, а конечная цель — это не то, что существует ради другого, а то, ради чего существует другое; так что если будет такою последнее, то не будет беспредельного движения; если же нет такого последнего, то не будет конечной цели. А те, кто признает беспредельное (движение), невольно отвергают благо как таковое; между тем, никто не принимался бы за какое-нибудь дело, если бы не намеревался прийти к какому-нибудь пределу. И не было бы ума у поступающих так, ибо *тот, кто наделен умом, всегда действует ради чего-то, а это нечто — предел, ибо конечная цель есть предел*” (Метафизика, II, 994 в 9–15. — Курсив мой. — П.Г.).

Как видим, несмотря на существенное различие трансцендентального идеализма Канта и античной онтологии в вопросе о приро-

де разума, европейская мысль сохраняет преемственность. Именно цель, смысл, “то, ради чего”, — вот что составляет корень человеческого разума. У Аристотеля в приведенном контексте цель — это благо¹¹; ориентация на “благо” как регулятивный принцип — вот что дает разуму то единство, без которого невозможен синтез многообразия. Рациональность счета, калькуляции, которая характерна для машины, лишена именно цели, а потому не содержит сама в себе предела; она есть бесконечный, беспредельный переход от одного звена к другому, а предел этому движению ставится извне — преследующим определенными цели и выносящим решения человеком. В этом смысле точна характеристика компьютера, данная Р.Капурро: компьютер — это тот, кто “вечно сомневается по поводу предоставляемых ему решений”¹². На языке современной философии, разделившей сферы “разума” и “ценностей” (что, кстати, в известной мере способствовало стиранию границ между разумом и калькулирующим рассудком), та же мысль выражается так: искусственному интеллекту недоступен мир ценностей. Но поскольку существует также тенденция относить ценности к сфере субъективного, психологизируя их, то опять-таки открывается еще один путь для доказательства превосходства машины над человеком.

Итак, важное отличие *homo sapiens* от *machina calculans* (**машины калькулирующей**) — в способности ставить цели и принимать решения. Именно в силу ценностной нейтральности технических устройств человеческое решение получает принципиальное значение. В основе всякого решения лежит акт воли; но поскольку воля имеет общий корень с разумом как “способностью целей”, решение не может исходить из простого произвола (хотя в действительности, как мы хорошо знаем, и такие решения, к сожалению, не редкость). Назвав волю “практическим разумом”, Кант обнаружил свою принадлежность к древней традиции: более чем за 2000 лет до него Аристотель, анализируя структуру нравственного действия, показал, что последним руководит *orthos logos* — правильный разум, верное суждение, которое имеет своим критерием **благо**¹³. А понять, что будет благом в каждом конкретном случае — когда приходится решать не только повседневные, но и кардинальные проблемы, например, в сфере применения генетики, геной инженерии, ядерной техники и т.д., где решается судьба сегодняшних и будущих поколений людей, да и вообще возможности дальнейшего существования человечества, — в состоянии только человеческий ум¹⁴.

И не случайно интерес философии техники сегодня все больше перемещается в сферу этики. “Решение не технических, а этических

проблем определяет наше будущее”, — сказал один из наиболее серьезных исследователей в этой области¹⁵. Но как раз тут — в сфере этики — нас подстерегает новая опасность. Она, пожалуй, сегодня не так очевидна, как те, что угрожают окружающей среде, человеческому генофонду, здоровью и жизни нынешних и будущих поколений; она не столь обращает на себя внимание, как открываемая компьютерной техникой возможность небывалой прежде концентрации власти в “информационном обществе” или угрозы неприкосновенности частной жизни. Но она может оказаться не менее серьезной. Я имею в виду влияние новой техники на психику и сознание человека, а, стало быть, и на его этическую ориентацию.

В самом деле, чтобы действовать в соответствии с требованиями нравственности, недостаточно готовности человека следовать этической нормой, допустим, заповеди любви к ближнему: нужна и осведомленность в обстоятельствах, определяющих данную конкретную ситуацию, чтобы не только верно наметить цель, но найти и адекватные средства для ее достижения. Нужна, как мы обычно говорим, информация, которая позволила бы индивиду или группе иметь **самостоятельное** и “правильное суждение” обо всех обстоятельствах дела. Кажется бы, что именно тут новая техника дает колоссальные преимущества: ведь недостаток информации как правило связан сегодня в технически отсталых обществах с неразвитостью компьютерной техники. Но тут-то и загвоздка: критическому суждению, как ни парадоксально, препятствует и избыток информации! Избыточная информация, ежедневно поступающая масса сведений, фактов, оценок, рекомендаций, которые нередко противоречат друг другу и которые человеческое сознание не успевает как следует переварить, порождает “интеллектуальную диспепсию”, сбивает человека с толку и не дает возможности самоопределиться — ни в интеллектуальном, познавательном¹⁶, ни в нравственном отношении. Ведь мы обычно формируем критерий нашего *orthos logos* (правильного суждения) на основе своего опыта; при этом каждый новый опыт корректирует прежний, уточняет и углубляет нашу ориентацию в мире, научает нас понимать самих себя и ближних. “Многознание уму не научает”, — говорил древний философ, разумеется, не имевший даже отдаленного представления о том объеме “многознания”, который обрушивается сегодня ежедневно на человека уже только средствами массовой информации. И вот тут мы, наконец, воочию можем убедиться, что **информация и знание — понятия отнюдь не тождественные**, хотя нередко их и отождествляют. Знание предполагает опыт, а информация — чаще всего нет. Информация, как правило, передает человеку вторичный опыт до

того, как он вообще получил первичный; человеку что-то объясняется раньше, чем он успел это пережить.

Эта проблема существовала, конечно, и раньше, но в такой мере, как сегодня, человечество с ней еще не сталкивалось. А потому выработать самостоятельное суждение по поводу даже самых насущных жизненных вопросов становится все труднее. Особенно трудно сейчас детям и подросткам, и не удивительно, что при ранней физиологической зрелости (ускоряемой теми же телезрелищами) их духовное созревание, предполагающее подлинное познание и ответственность за свои поступки и за свою жизнь, наступает все позднее. А в эпоху, когда широкий поток чужого опыта и анонимного знания захлестывает человека задолго до появления собственного, жизнь грозит превратиться в какой-то **мираж**, где утеряны всякие ориентиры. О какого же рода ответственности можно говорить в этой ситуации? Сегодня как раз ощущается дезориентация в сфере ценностей, что порождает все более частые психические стрессы, чувство бессмысленности жизни и раннюю апатию. Чем более усложняется наш мир, тем более упрощается, примитивизируется наша духовная и эмоциональная жизнь. Прогресс техники, увы, сопровождается регрессом культуры.

Прибавим сюда и еще одно обстоятельство. Даже сами специалисты — инженеры — ясно сознают, что возможность контроля и ограничения нежелательных последствий новых технических изобретений ослаблена уже тем, что эти последствия полностью никто не в силах предвидеть. Такое сознание порождает у самого создателя чувство беспомощности перед собственным произведением. Возникает особого рода расколотость сознания, характерная для специалистов не в меньшей степени, чем для “профанов”. Как подчеркивает в этой связи В.Циммерли, человек технологической эпохи, рефлектирующий по поводу своих действий, “глубоко расколот и разорван. Техника не только привлекает его и одновременно внушает отвращение, но он при этом в невиданной прежде степени зависит от нее и знает, что у него нет никаких шансов от этой зависимости освободиться, хотя, — как он опять-таки знает, — эта зависимость по всем прогнозам приведет его к гибели”¹⁷.

Перед нами опасный парадокс: в эпоху, когда от человека требуется максимальная духовная зрелость и **максимальная ответственность**, как раз этих-то качеств ему и не хватает. Современная техника, требующая этих качеств, сама же ослабляет и разрушает их. Разрешить этот парадокс сегодня — не просто теоретическая, но жизненно необходимая задача: завтра может быть уже поздно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 “Сущность компьютерной революции заключается не столько в конструировании машин огромной разрешающей силы, сколько во всеохватывающем проникновении компьютерных систем во все сферы целенаправленной человеческой деятельности”. (*Поселов Г.С., Зевгинцев В.А.* Компьютерная революция — ее сущность и проблемы. В книге: Научные революции в динамике культуры. Под ред. В.С.Степина. Минск, 1987. С. 259.
- 2 Надо сказать, что эйфория, порождаемая успехами техники, которую Г.Йонас удачно назвал “прометеевской” (см.: Jonas H. Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation, Frankfurt a. M., 1979. S. 338 ff) и которую мы в России — при всей нашей технической отсталости от Запада — особенно хорошо знаем, ибо это одна из важных составляющих марксизма, — эта эйфория, ослепляющая разум, немало навредила в период индустриальной революции и может оказаться еще опаснее сегодня.
- 3 См., например: *Turkic S.* The second Self. Computers and the Human Spirit, New York, 1984; *Sherman V.* The New Revolution. The Impact of Computers on Society, Chichester, 1985; *Weizenbaum J.* Computer Power and Human Reason, San Francisco, 1976.
- 4 *Zimmerli W.* Wandelt sich die Verantwortung mit dem technischen Wandel? — In: Technik und Ethik, hrsg. von H.Lenk und G.Ropohl, Stuttgart, 1987. S. 97.
- 5 См.: *Spranger E.* Lebensformen, Halle 1922; *Litt Th.* Naturwissenschaft und Menschenbildung, Heidelberg 1954.
- 6 Ньбнер К. Philosophische Fragen der Technik. — In: Teche, Technik, Technologie, hrsg. von H.Lenk und S.Moser, Pullach bei München, 1973. S. 139.
- 7 *Кант И.* Критика чистого разума. Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. .
- 8 *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 139.
- 9 Не случайно “цель” в кантовской системе — это не категория рассудка, а принцип разума — способности, дающей регулятивы рассудочной деятельности в целом. Интересное рассмотрение кантовского понятия разума в контексте современной проблемы рациональности дал Ганс Ленк: см.: Lenk H. Vernunft als Idee und Interpretationskonstrukt. — In: Zur Kritik der Wissenschaftlichen Rationalität, Freiburg-München. 1986. S. 265—273.
- 10 *Кант И.* Критика чистого разума. Соч. Т. 3. С. 586.
- 11 Понятие блага — определяющее в классической античной философии. “К благу, — пишет Платон, — стремится любая душа и ради него все совершает; она предчувствует, что есть нечто такое, но ей трудно и нехватает сил понять, в чем же оно состоит” (Государство, 505 с.).
Благо и бытие для Платона и Аристотеля не только тесно между собой связаны, — они в сущности “обратимы”. Как позднее выражала эту связь средневековая теология, “ens et bonum convertuntur” — “бытие и благо обратимы”. Но именно поэтому “благо” имеет фундаментальное значение и для теоретического знания. “Считай, что и познаваемые вещи могут познаваться благодаря благу, — подчеркивает тот же Платон. — Оно дает им и бытие, и существование, хотя само благо не есть существование, оно — за пределами существования, превышая его достоинством и силой” (Государство, 509 в.).
- 12 *Capurro R.* Zur Computerethik. — In: Technik und Ethik, hrsg. von H.Lenk und G.Ropohl, Stuttgart 1987. S. 262.
- 13 Понятие orthos logos нуждается в некотором пояснении. Если теоретический

разум (noys) направлен на познание умопостигаемых сущностей, т.е. имеет дело с общим и необходимым, то практический разум, или разумность, рассудительность (phronesis) имеет своим предметом единичные вещи, частные случаи и конкретные обстоятельства, в которых приходится **действовать**. Он руководит нашим выбором и исполнением того, **что зависит от самого человека**. Именно фронесис, т.е. практически направленный ум, “практический смысл” дает **правильное понимание, правильное (рас)суждение** — orthos logos, т.е. разумное основание для поступка. Если человек действует в соответствии с таким правильным суждением, его поступки будут нравственны, добродетельны; если же под влиянием низших влечений, страстей он поступает вопреки правильному суждению, он выбирает зло. Характерно, что в жизненно-практической сфере сам разум не имеет **принудительной** силы, — его голос Аристотель называет “совещательным”. Практический разум у Аристотеля как бы замыкает всю цель человеческого действия: “Назначение (человека) выполняется благодаря рассудительности и нравственной добродетели, ведь добродетель делает правильной цель, а рассудительность (делает правильными) средства для ее достижения” (Никомахова этика. VI, 1144 а 9–10. — Пер. Н.В.Брагинской).

- 14 Говоря здесь об уме, я отнюдь не имею в виду лишь только теоретический разум, науку. Не только в новоевропейской, но и в античной философии практический разум и научное знание не отождествлялись. Научное знание сужает сферу неопределенного и случайного, но не может устранить ее до конца: ведь решение имеет дело с единичной ситуацией, а наука — со всеобщим. Поэтому решение и оказывается в конечном счете делом свободы, а это — сфера действия практического разума. В этой связи прав Ганс Заксе, отмечая, что ни компьютерная техника, ни теория систем “не могут превратить решения обдумываемые в решения калькулируемые. Несомненно, надо приветствовать всякий прогресс рационализации, ибо он ... уменьшает риск, но утопия тотальной рационализации ложна и опасна, ибо она обещает человеку освобождение от ответственности, которую он должен взять на себя”. (*Sachsse H. Ethische Probleme des technischen Fortschritts* — In: *Technik und Ethik*. S. 59).
- 15 *Sachsse H. Ethische Probleme des technischen Fortschritts* — In: *Technik und Ethik*. S. 50–51.
- 16 Разве в своей профессиональной деятельности мы не испытываем чувства беспомощности перед ежегодно возрастающим потоком книг и статей на всех языках мира, которых не успеваем не только осмыслить, но даже и толком прочитать? А ведь профессиональная добросовестность предполагает знание всего того, что сделано в твоей области, по исследуемой тобой проблеме как предшественниками, так и современниками. Нередко, увы, приходится замечать, что по мере роста **дефицита в осмыслении** в конце многих книг и статей увеличивается библиография работ по данной теме, легко получаемая с помощью того же компьютера.
- 17 *Zimmerli W. Wandelt sich die Verantwortung mit dem technischen Wandel?* — In: *Technik und Ethik*. S. 98.